

Рядом кто-то мягко вступил в разговор с улыбкой:

— Ну что ты, Сяо Ни, слезь с брата. Он только что очнулся, ещё не оправился, а ты тут шалишь — смотри, как он побледнел. Хватит, слезай скорее.

Услышав это, Мо Сяони послушно сползла с Мо Иня, высунув язык:

— Я просто так обрадовалась, что брат проснулся!

Неудивительно, что брат всё это время смотрел на неё с таким странным выражением лица — оказывается, она его придавила.

Сяо Ни, глядя на Мо Иня, с жалостью похлопала его по телу, словно пытаясь «выбить» боль, выглядела при этом крайне мило и наивно.

Но Мо Инь не обратил на неё внимания.

Он повернул голову и с удивлением посмотрел на женщину, стоящую у кровати:

— ...Мама?

Матушка Мо подошла, словно боясь, что Мо Иню холодно, поправила уголок одеяла. Убедившись, что с ним всё в порядке, легонько щёлкнула его по лбу:

— Иньцзай, ты меня напугал до смерти. Хотя наша семья сейчас не в лучшем положении, но и не нужно тебе так надрываться. Ты ещё молод, здоровье — самое главное, понимаешь? Если такое повторится, как я это переживу?

Матушка Мо родом из Сычуани, хотя уже полвека живёт в Цзянчжэ, в её речи всё ещё слышны отголоски сычуаньского диалекта. С детства она любила называть Мо Иня «Иньцзай», добавляя в конце лёгкий подъём интонации, что, возможно, было смесью разных диалектов.

В молодости Мо Инь всегда считал это прозвище слишком несерьёзным для мужчины и много раз протестовал, но теперь, услышав его спустя десять лет, почувствовал, как глаза наполнились слезами.

Он смотрел на матушку Мо, не отрываясь, целых пять минут, прежде чем дрожащим голосом произнёс:

— Мама...

Мо Инь с детства был очень сильным — даже когда падал, учась ходить, никогда не плакал. Но сейчас он выглядел так, словно вот-вот расплачется, что сильно напугало матушку Мо.

Она поспешно взяла его за руку, осмотрев с головы до ног:

— Цзай, что случилось? Тебе так плохо? Сестра тебя придавила? Не может быть! Хотя твоя сестра действительно располнела до неприличия, но ты, молодой парень, слишком слаб — как же ты собираешься жениться?

Мо Инь: [...]

Мо Сяони: [...]

Прекрасно — это была настоящая матушка Мо, умудряющаяся задеть сразу двоих, не оставляя ни малейшего шанса. Теперь Мо Инь уже не сомневался, что это не его галлюцинация.

Сяо Ни, находясь в том возрасте, когда внешность важнее всего, услышав такие слова, надула щёки и хотела бросить сердитый взгляд на матушку Мо. Но едва перевела взгляд, как та сама на неё посмотрела. Пришлось изменить направление и злобно посмотреть на Мо Иня:

— Брат, я совсем не тяжёлая!

Мо Инь смотрел на сердитое, но в то же время кокетливое лицо Сяо Ни и почувствовал ностальгию. Когда он в последний раз видел её такой живой и игривой?

Семь лет назад...

Кажется, это было так давно, словно в прошлой жизни.

Нет, возможно... это и была прошлая жизнь.

Мо Инь ущипнул свою сестру за пухлую щёку, словно невзначай спросив:

— Что со мной случилось? Я только помню, как перед глазами потемнело, а потом ничего не помню.

Матушка Мо ответила:

— Ты ещё спрашиваешь! Я тебе говорила, чтобы ты на работе берег себя, не перетруждался, а ты не слушал. Что теперь? Работал без отдыха, ещё и подработку нашёл — ты что, думаешь, ты железный? Мы с отцом хоть и потеряли работу, но мы ещё не старые — можем тебя прокормить, не нужно тебе так надрываться.

Хотя слова матушки Мо звучали строго, к концу она не смогла сдержать слёз.

В конце концов, всё это из-за их с отцом неспособности — иначе как бы их ребёнок мог так страдать?

Иньцзай сейчас всего двадцать лет — другие дети в его возрасте ещё учатся в университете, беззаботные, а их Иньцзай вынужден искать работу...

Если бы они с отцом были более способными, их Иньцзай — такой умный — мог бы поступить в университет и добиться больших успехов.

А сейчас...

Матушка Мо чем больше думала, тем больше расстраивалась и чувствовала вину. Но, будучи упрямой по натуре, не могла произнести ни одного мягкого слова — выражение её лица стало мрачным.

Мо Инь, увидев это, сразу понял, о чём она думает. Его мама хоть и вспыльчивая, но в душе очень мягкая.

Мо Инь сидел на кровати, улыбаясь, и потянул матушку Мо за рукав:

— Мама, я понял. Разве я могу шалить, когда ты за мной следишь? А где папа?

Матушка Мо вытерла лицо:

— Твой отец сейчас в другом городе закупает товары. Как только узнал, что с тобой случилось, сразу поспешил обратно — скоро будет. Я же говорила — не ходи больше на тот завод! Каждый день заставляют таскать тяжести, а платят копейки — это же издевательство! Я растила тебя не для того, чтобы тебя так обижали.

Мо Инь, услышав это, понял, в каком времени он находится.

Мо Инь родился в обычной, но достаточно обеспеченной семье. Вся семья с детства жила в маленьком уезде Цзинху, где их предки никогда не уезжали далеко от дома.

Уезд Цзинху входил в состав города Циншуй провинции Z — небольшой городок с неразвитой экономикой, но красивой природой, идеальный для жизни.

Отец и мать Мо Иня работали в единственном крупном государственном предприятии в городе — оба были рабочими, что в те времена считалось очень хорошим положением. Поэтому, когда Мо Инь был маленьким, жизнь в семье была вполне комфортной. У них с Мо Сяони было двое детей — мальчик и девочка, — что вызывало зависть у многих.

Казалось, жизнь семьи шла своим чередом, но когда Мо Иню исполнилось девятнадцать, государственное предприятие внезапно обанкротилось из-за плохого управления. Хотя формально оно ещё существовало, рабочие разбежались.

Отец и мать Мо Иня не стали исключением — им пришлось рано уйти на пенсию.

Два основных кормильца семьи внезапно потеряли работу, и семья осталась без источника дохода. Как назло, родители отца Мо Иня — его дедушка и бабушка — внезапно серьёзно заболели. Семья потратила почти все сбережения на их лечение, но в конце концов не смогла их спасти — они ушли из жизни.

Перед смертью дедушка и бабушка держали за руки Мо Иня и Мо Сяони, непрерывно плача:

— Мы, старики, потратили все семейные деньги — как же вы теперь будете жить... Я говорил, не нужно лечить, не нужно лечить, а вы не слушали... Наш внук и внучка такие умные — как же они теперь будут жить?

Как?

Как же они будут жить?

Что ещё можно было сделать?

Семья Мо теперь осталась без источника дохода — все сбережения были потрачены, долги накопились, даже дом пришлось заложить. Если бы не то, что в городе пожалели их и позволили остаться жить, у них не было бы даже крыши над головой. Они оказались в полной нищете — без гроша за душой.

В те времена, когда в семье двое детей, как же их прокормить?

Отец и мать Мо Иня смотрели друг на друга — оба молчали.

Казалось, ясное небо вдруг потемнело.

В тот год Мо Иню было девятнадцать — он учился в старшей школе, до экзаменов оставалось несколько месяцев. Мо Сяони была ещё младше — всего двенадцать, она даже не закончила начальную школу, была ещё совсем ребёнком.

Отец и мать Мо Иня сидели в почти пустом зале дома, который уже почти разграбили сборщики долгов, и всю ночь считали на коробке от сигарет, пытаясь понять, что делать.

На следующий день отец собрал вещи и уехал на заработки. Мать осталась дома, брала любую работу, которая не требовала вложений, — работала с утра до ночи, почти разрушив своё здоровье, только чтобы заработать немного денег.

Но даже так, когда через несколько месяцев Мо Иню нужно было сдавать экзамены, семья была настолько бедна, что даже не могла собрать денег на регистрационный взнос.

Отец и мать Мо Иня ходили по соседям, прося денег взаймы. Но они уже заняли у всех, кого только могли, на лечение стариков — и до сих пор не вернули долги. У кого в доме были лишние деньги? Ни у кого не было лишних средств, чтобы помочь им.

<http://bllate.org/book/16376/1481253>